

Елена Кибирева
Ольга Пономарева

**Исповедник веры протоиерей
Григорий Пономарев. 1914-1997
гг. Жизнь, поучения, труды. Том 2**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 291.8
ББК 86.2
К38

Кибирева Е., Пономарева О.

Исповедник веры протоиерей Григорий Пономарев. 1914-1997 гг. Жизнь, поучения, труды. Том 2 / Кибирева Е., Пономарева О.; ред. Кибирева Е.; худ. Бухтоярова О.; сост. Кибирева Е.; с участием Пономарев, духовный архив П. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 375 с.

ISBN 978-5-532-04193-6

В книге «Исповедник веры... том 2» опубликованы воспоминания духовных чад протоиерея Григория Пономарева о его исповедническом подвиге. Отец Григорий и матушка Нина Увицкая прожили в любви и согласии более 60 лет и умерли в один день 25 октября 1997 года. Оба супруга - дети репрессированных архим. Ардалиона и прот. Сергия Увицкого, причисленных к лику святых новомучеников. Отец Григорий в 50-х годах прошлого столетия тоже претерпел гонения за веру и отбыл в местах заключения более 16 лет. В книге опубликован духовный дневник батюшки, редкие акафисты из его архива и духовные наставления.

ISBN 978-5-532-04193-6

© Кибирева Е., Пономарева О., текст, 2006
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

«От соприкосновения с Духом...»

Первое впечатление, которое может сложиться от чтения записей отца Григория – как будто ничего нового. Но это впечатление обманчиво. Вспоминается, как один знаменитый, весьма одаренный проповедник нашего времени отзывался о проповедях святого праведного Иоанна Кронштадтского (признавая величие подвига святого): «Ничего более скучного я в жизни не читал». Поразительна эта глухота к слову, исполненному благодатной силы, однако гений, в отличие от среднего таланта, не боится банальностей. Самые простые, тысячу раз слышанные слова звучат у него как сказанные впервые – от соприкосновения с Духом.

Протоиерей Александр Шаргунов

В этом смысле краткие записи отца Григория можно сравнить с толкованиями святителя Феофана Затворника на Послания апостола Павла. Добросовестно, как прилежный ученик, излагает он мысли различных святых отцов и, достигая их глубины, благодатно проникаясь ею, вдруг начинает говорить от себя. Вернее, как сказал преподобный Силуан Афонский, совершенные отличаются от других тем, что от себя ничего не говорят. Такое же впечатление производят, например, «Письма духовным детям» игумена Никона: как будто известные каждому семинаристу богословские истины, но в

них присутствует такая простота и глубина, которая не может не потрясать любящую Бога душу. В этом тайна и чудо – соединение опыта Церкви со своим личным.

И у отца Григория мы читаем то, что много раз читали у других: о предании себя воле Божией, об узком пути спасения, о кресте, о молитве и о любви как основании всего. Но оттого, что это идет изнутри, все отмечено неповторимую новизной. *«Предать себя всецело Господу (подчеркнуто) – да будет воля Твоя, внутренне (подчеркнуто) пусть эти слова скажутся»*. И под этой краткой записью, как часто он делает в подобных случаях, стоят даты: 19.02.90, 25.04.90, 10.10.94, 18.11.94, 24.12.94. Так писатель датирует окончание работы над своим трудом. А здесь эти цифры означают, что в течение всей жизни на разных этапах ее происходит все более глубокое и потому все более новое постижение всем известной истины.

«Бойся, страшишься льготности, – пишет отец Григорий. – Страшишься остаться у потухшего духовного костра». Мы понимаем, что означает этот образ костра для человека, прошедшего колымские, с леденящими долгими зимами, концлагеря. Каждое слово у него действительно оплачено жизнью. *«Сам замерзнешь, и приходящих к тебе не согреешь добрым, ласковым словом, словом одобрения, словом жизни»*.

Вспоминается рассказ одного епископа о человеке, прошедшем через такие же лагеря, который выражал некую тревогу по поводу своей благополучной жизни на свободе: «Дело в том, – говорил он, – что когда я был в том аду, я сознавал, что все мои молитвы за моих врагов принимает Господь, потому что за ними стоят мои страдания. А теперь, когда я живу на воле и в благополучии, у меня нет прежней уверенности».

Вот почему отец Григорий снова и снова возвращается к теме «льготности»: *«Льготность очень большой и опасный враг. Ласково берет, но жестоко бьет»*. И снова: *«...Очень опасный, ежечасно подстерегающий враг»*. К теме «ежечасно подстерегающего врага», красной нитью проходящей через все его заметки, мы еще вернемся.

Тайна крестного пути – Креста – для отца Григория неразрывно связана с тайной любви и молитвы. *«Вот наука: как молиться? –*

спрашивает он и отвечает, — *это отдать себя целиком и полностью, со всеми своими мыслями и желаниями*. *«Молиться надо... с полной отдачей себя, а не просто с рук толкать»*, — говорит он в другом месте. Как похоже это на мысли святителя Феофана Затворника и святого праведного Иоанна Кронштадтского о молитве! Или на слова преподобного Силуана Афонского: *«Молиться за других — это кровь проливать»*.

Как же достигнуть такой высоты нам, теплохладным и унылым? Или это не про нас написано? — *«Надо просто физически заставить себя молиться. Пусть вначале несвязно, запинаясь, даже падая. Невзирая на все это, вести свой разговор, свою беседу с горним миром»*.

Если жизнь наша будет крестным восхождением к Богу, то Бог совершит все остальное. Как пишет преподобный Силуан Афонский, горе и опасности многих научили молиться. *«Одна духовная дочь поведала:— пишет отец Григорий, — помолилась “Богородице Дево”, прочитала пятьсот раз, и ребенок больной, расслабленный, стал здоровым»*. И добавляет, как будто это он сам с ней молился: *«Дивная сила молитвы!»*

Духовные советы отца Григория отличаются предельной простотой. *«Очень важное наблюдение одной души-христианки: при крайнем телесном расслаблении, нежелании встать на молитву, надо совершать истово крестное знамение, да не один раз. После этого, — говорит отец Григорий, — вливается большая духовная энергия, загорается желание молиться (христианский опыт наших дней)»*. Мы знаем, что от крестного знамения совершаются самые великие чудеса на свете. А о формальном, небрежном осенении себя крестом святой Иоанн Златоуст говорит как о бесовском махании.

Точно такого же свойства его размышления о любви к Богу и к человеку. Без этой любви нет христианства, но ужас заключается в том, что люди так привыкают к этим все определяющим и постоянно звучащим словам, так привыкают к святыням, что уже почти не воспринимают их. А между тем, вся духовная война, которая непрерывно идет в каждой душе человеческой и в мире, сосредоточена только здесь.

«Враг сильно ненавидит эту заповедь и старается ежеминутно (без преувеличения) вселять, сначала мысленно, а потом словами и делами, нелюбовность к окружающим, а через это самое вводит нашу душу в страшное место духовного мрака, пустоты, озлобленности, раздражительности. Успех молитвы за других достигается при условии святого наказа: помни, Бог любовь есть».

И чем глубже молитва любви, тем сильнее натиск врага, в особенности на пастыря. Все силы ада препятствуют этой молитве. Подвиг священника заключается в том, чтобы не утрашиться находящих бедствий, не отказаться молитвенно *«предстательствовать, крепко душевно взывать и просить о даровании помощи недужным телом и душою».*

И далее он говорит буквально словами святого праведного Иоанна Кронштадтского, но мы понимаем, из какой глубины духа вырываются эти его собственные слова: *«Всегда будь уверен в получении просимого. По вере твоей да будет тебе».* *«Для души любящей нет никаких препятствий. Все можно получить, чего просишь. Только искренно проникнись в эту заповедь о любви. Тогда жизнь будет настолько возвышенна, радостна! невзирая ни на какие трудности, физические и моральные».*

Он уже прошел через смерть и через ад, и он знает, что такое Воскресение Христово. Когда человек приобщается силе Божией, великой силе Креста и Воскресения, он может сказать, как отец Григорий: *«Помни, что ты силен только в молитве».*

Многим было дано нечаянно узнать, что такое молитва по дару Христову. Но вопрос, как известно, заключается только в одном: кто из этих многих сохранил навсегда жизненную память об этом даре. И здесь главная, без конца повторяющаяся тема заметок отца Григория. *«Надо воспитывать в себе дух постоянства, а не мимолетных порывов. Отдачи всего себя».* Тайна святости – насколько может человек вместить в своей жизни пережитую им благодать.

Необходимо *«вырабатывать в себе дух часового терпения, следить за собой именно часовым отрезком времени...»* (не с этим ли связаны 24 молитвы святого Иоанна Златоуста на всякий час дня и ночи). *«Это, можно сказать, большой секрет в деле духовного*

строительства. Многие им пренебрегают и не достигают желанной цели». И совсем по-военному сказано у этого воина Христова: *«Мой девиз должен быть: отчет – за час».* *«Существуют “опасные часы”, – пишет он, – и опасные люди (опыт)».* Не об этом ли молитва святого Иоанна Златоуста: *«Избави мя от человек некоторых, и бесов, и страстей, и всякия иныя неподобная вещи».*

Интересен эпизод из жизни отца Григория с уполномоченным, когда тот, как бес, поучает священника: *«Что Вы все никак не успокоитесь? Отслужили полтора-два часа – и ловите себе целый день рыбку на берегу. Вот и святой ваш, Симеон Верхотурский, тоже ведь любил так время проводить»* (конечно, уполномоченный не может знать о внутренней жизни отца Григория, но его пастырская забота о пасомых хорошо ему известна).

Мы все понимаем, что время – это, как говорится, деньги вечности. На время, данное нам на земле, мы должны приобрести вечность. И *«за всякое слово праздное (то есть, за всякое праздное мгновение своей жизни) даст человек ответ в день суда».* Мы должны жить *«искупующе время, яко дни лукави суть».* Но кто может вынести такое напряжение? Игумен Никон (Воробьев) говорит, чтобы мы хоть раз в час, кто сколько может вместить, вспоминали по-настоящему о Боге. Но кто может достигнуть такой отдачи всей своей жизни, всего себя (*«отдай кровь и приими Дух»*), чтобы до капли крови, до биения сердца, с дыханием своим соединяя имя Иисусово, как говорят святые отцы, жить всю свою жизнь.

В этом необычном «часовом богословии» отца Григория присутствует, на самом деле, древняя духовная традиция, которую можно проследить в современном богослужении: в первый, третий, шестой и девятый часы дня монахи должны были читать установленные для этого времени молитвы. При этом надо иметь в виду, что каждый час имеет свой глубокий смысл, связанный с тайной нашего спасения. И отец Григорий выделяет *«ответственные моменты священника: при совершении исповеди, при личном причащении и потреблении Святых Даров, при даче святого Креста».* Весь еже-часный молитвенный подвиг нужен отцу Григорию прежде всего для того, чтобы достойно совершать свое священническое служение. Он

прежде всего – священник, стоящий перед Престолом Божиим спиной к пастве. Он молится Богу, чтобы благодать сошла к нам с Небес, он приносит жертвенное приношение, будучи сам жертвой. Он весь устремлен к Богу, он должен достигнуть единства с Богом. И только тогда, когда Божественная благодать касается его в этом таинстве, он может повернуться лицом к народу, чтобы передать людям то, что он получил от Бога. Иначе ему нечего будет сказать людям и ему некуда будет их вести. И вообще, как он без этого сможет смотреть им в лицо?

И затем он должен видеть людей, к которым повернулся лицом, и заботиться о том, чтобы они были готовы к принятию того, что Бог вручил ему – да не в суд или во осуждение кто-нибудь из них примет дар Господень.

От священника не требуется, чтобы он был обаятельный собеседник, и еще менее— чтобы он был блестящим оратором или специалистом в какой бы то ни было области. Потому что таких людей можно найти в другом месте. От священника ждут то, что только один священник может дать – Тело Христово, ломимое во оставление наших грехов, и любовь, которая придает смысл всем человеческим страданиям и самой смерти. И пусть он вопиет об этом. Всею своею жизнью, до последнего отданной Христу.

Нам нужны пророки любви, насущно, неотложно. Церковь должна исцелить вдову и сироту, миллионы вдов и сирот, чтобы они поверили в спасение, совершенное распятым и воскресшим Христом. Неужели все священники так заняты, что не могут прийти на помощь душам, которым угрожает гибель! Среди холода апокалиптической зимы мы нуждаемся в отцах, которые нас любят. Требуются духовные учителя. Нам нужны свидетели, которые живут Словом и которые питаются от Источника жизни. Наша Церковь должна быть Церковью священников, любящих Христа и овец Его больше своей жизни.

Еще нет гонений открытых, как в 20-е и 30-е годы. Но духовная атмосфера не отличается, как может показаться кому-то,— мы переживаем не расцвет, а худшее, чем то, что было. Те же наследники безбожной эпохи у власти, то же неверие, тот же дух мира сего гос-

подствует в умах и сердцах большинства людей. Религия внешне свободна, но это то, что не волнует общество в целом и рассматривается новым поколением как то, что не имеет особенного смысла и значения в его жизни. Имя Христово можно свободно произносить, но, в отличие от коммунистических лет, оно, как на Западе, все больше ассоциируется с религией мертвой обрядности или, в лучшем случае, является способом выживания среди нынешних бед.

Но среди нынешних бед наш народ – как спелая жатва, которая ждет быть собранной для Христа. Но где достойные жатели? Будьте жателями! – говорит, обращаясь к сопастырям подвигом своей жизни, отец Григорий и множество безвестных священников, отдавших свою жизнь для служения Богу и людям. Будьте пастырями и, прежде всего, молитесь Богу, да пошлет Он нашему народу истинных делателей на жатву Свою. Нет сомнения, что если бы все священники шли этим путем, то духовное лицо нашей страны сразу бы преобразилось.

Жизнь и эти заметки отца Григория помогают нам воспринять серьезно православную веру, которая, порой, слишком легко нам дается – чтобы мы обрели начало подлинного христианства, в котором наше Отечество, весь мир столь отчаянно нуждаются сегодня.

Протоиерей Александр Шаргунов,

*преподаватель Московских Духовных Академии и Семинарии,
настоятель храма святителя Николая в Пыжах.*

Ноябрь 1999 года

